

*Александр
Пинаев*

* * *

Шагаю травами густыми.
Росой усыпана земля.
Не от росы ли твое имя,
Россия, родина моя?
Все от тебя, безмерно щедрой:
И снеговые гряды гор,
И смоляная терпкость кедра,
И тишина лесных озер,
И то веселое радушьё,
С которым встречный на тропе
Расскажет, как таежной глушью
Пройти сподручнее тебе.
Иду к закатам и к рассветам,
Иду в росе твоих дорог,
И, если б мог я сделать это, —
Твой каждый шаг, твой каждый вздох
Я облегчил бы и сберег.

ТАЕЖНЫЙ КЛУБ

Двадцать пятый год.
Таежное
Наше прежнее житье.
Закопченное, замороженное,
Приисковое зимовье.
Нары. Пол из жердочек настлан.
У дверей лопаты и лом.
В черепушке с бобовым маслом —
Фитилек коптит над столом.
Печь железная.
Чайник старый.
Вот и все.
Для воскресных дней
Карты есть у нас и гитара, —
Жаль, струны не хватает на ней,
Впрочем, было не до веселья.
Покопай-ка шурфы зимой!
Так устанешь, что еле-еле
Доплеться к себе домой.
Далеко, за горами горбатыми,
За таежной зеленой стеной,
Парни песни поют с девчатами,
А у нас девчат — ни одной.
Ни одной! Ни курчавой, ни стриженной,
Ни застенчивой, ни озорной,
Даже в этом мы были обижены
Неприятной той стороной.
В общем, мало было хорошего.
Одного лишь нельзя отнять:
Мы у жизни легко и дешево
Ничего не привыкли брать.

I

То ли в марте,
То ли в апреле
Ночью к нам пришел человек.
На солдатской его шинели
И на шлеме был мокрый снег.

Дверь пришлась ему не по росту —
Был из тех, что берут на флот.
Распрямился, снял шлем и просто,
Как знакомый, сказал:
— Метет!
Шел с «Крутого». Вдруг вижу: хата!
Я и двинулся на огонек.
Заночую у вас, ребята?
Есть, братишки, у вас чаек?
Отвечаем:
— Конечно! Можно!
Раздевайся, садись сюда.
А чайшко у нас таежный —
Кипяченая, брат, вода.
Гость смеется:
— Хорош! Годится!
Был бы только в меру горяч!
Нас, ребята, эту водицу
Приучил уважать басмач.
Было дело: лежим в барханах,
Ждем бандитов и день и два.
Не в избе ведь, не в балаганах, —
Как в костре мы лежим, братва!
Чуть задремлешь — колодец снится,
Видишь речку, туман над ней.
Называйте воду водицей.
Будьте ласковее, нежней.
Балагурит. Глаза с хитринкой.
Чай наш хвалит:
— Не чай, а мед!
Осторожно, своей тропинкой
За собой куда-то ведет.
Начал мягко, а кончил позже —
Что ни слово, то в сердце гвоздь:
— Распустили, ребята, вожжи!
Как живете? — песочит гость. —
В зимовье у вас как на свалке!
На столе у вас — тарарам!
Сознавайтесь-ка, елки-палки:
Умываетесь по утрам?

А прически? Гнезда сорочьи!
Не глядели б глаза на вас.
Стыдно!
Будущие рабочие!
Наш таежный рабочий класс!
Так и будем лежать под шубой,
Дуться в карты и пить вино?..
— Клуб нам нужен, нельзя без клуба.
— Думать нечего. Решено!

II

...Дел по горло; сцена, скамейки,
Декорации, реквизит.
И никто не дал ни копейки
Комсомольской нашей ячейке.
Ни копейки.
А клуб открыт.
Бедновато. Тесно. Но чисто.
И играть в этом клубе — нам.
И учили роли артисты:
Кто по памяти,
Кто по складам.
(Даже женские роли играли,
Платье в талию, голос — бас!)
Впрочем, некоторые роптали:
— Надоело мне генералить,
Под расстрелом быть каждый раз!
Но порядок в ячейке строгий —
Роль давалась, как твердый приказ...
...Может быть, показался б убогим
Тот таежный наш клуб сейчас.
Ни ковров, ни штор, ни паркета,
Ни сверкающих бронзой бра.
Сколько песен в нем было спето
Под декабрьский ночной буран!
Клуб таежный на косогоре!
Не оттуда ль открылся нам
Путь в Кузнецк и к Обскому морю,
К беспокойным его волнам!..

* * *

Паром увидишь — вспомнится понтон.
В раскатах грома слышишь канонаду.
Товарищ скажет — был солдатом он:
— Здесь не берет. Сходить в разведку надо.
Идет — не хрустнет ветка под ногой.
В солдатской фляжке крепкий чай с вареньем.
А был в ней спирт. Когда пришлось под Мгой
С боями выходить из окруженья.
Пять-шесть глотков. Но как он их берег!
Для раненых, для тех, кто будет ранен.
Для тех, кто так нещадно изнемог,
Что сделал шаг и потерял дыханье.
И посейчас в нем, бывшем старшине,
Хозяин жив, заботливый и строгий.
— Суши ботинки, — говорит он мне, —
Допрежь всего имей сухие ноги!
В березняке снимает с плеч рюкзак,
И прячет в нем кусок сухой бересты,
И так ночной устроит бивуак,
Что дельно все и по-солдатски просто.
И не один из всех друзей моих
Не рвется так душой, но молчаливо,
В немудрый мир зеленолапых пихт,
Заросшего кувшинками залива.
Туда, где ошалелый перекат
Кружит в воронках шапки желтой пены,
Немудрый мир. Но кто, как не солдат,
Заре, закатам, звездам знает цену?

ИЮЛЬ

В высоченной траве потерял журавлят
И летает, тревожно курлыкая,
А под ним, журавлем, озерки, перекат
Беспокойной речонки Нарыка.

Почему — я не знаю, но так повелось,
Что журавль и печаль нераздельны,
Вот и я присмирел, понимая, что гость
Я в таежных краях двухнедельный.
И — опять на асфальт!

Отдал городу жизнь,
А натурой не горожанин.
Журавлем бы подняться в июльскую высь,
Оглядеть бы все то, чем я ранен.
Но не горько, а радостно. Так говорят,
Полюбив, привязавшись до боли.
Рад до боли тому, что кипит перекат,
И лодчонке моей на приколе,
Тальникам и туманам, и каплям росы,
Белым тучкам, плывущим с Алтая.
Я неделю уже не смотрю на часы,
Ни секунд, ни минут не считая.
Сколько раз собирался поехать на юг.
И врачи посылали на взморье.
Соберусь. Укреплюсь. Но припомнится вдруг,
Как шумят пихтачи в Синегорье,
Но увидится вдруг беспокойный Нарык,
Всплески хариусов на Камзасе.
И — садишься чинить и латать дождевик,
Собираешь рыбацкие снасти,
И — опять не на юг!
И опять только здесь.
Никаких ни Анап, ни Цхалтубо.
Измотаюсь я там!

Истоскуюсь я весь!
Родила меня мать однолюбом!

* * *

Вступают в жизнь гористые края.
Июль. Жара. На присмиривших пихтах
Желтеет раскаленная хвоя,
Коробится и опадает тихо.

Валун гранитный врезался ребром
В сухую землю, смял корявый корень.
Еще немного — и тяжелый гром
Взорвется над таежным крутогорьем.
Бульдозеры и гулкий ЧТЗ,
Рискуя опрокинуться на круче,
Вплотную подбираются к грозе,
К набухшей ливнем темно-синей туче.
Таран грозы!
Там, за хребтом, руда.
Нам до морозов к ней пробиться надо.
Слетает молний яркая орда,
И гром, и ливень вперемешку с градом.
Сто водопадов ринулись в лога.
Кюветы глиной до краев замыло.
Прораб сердит:
— Опять «дает» тайга!
И восхищен грозой:
— Какая сила!

* * *

Люблю костры с полынным дымом
И вас, таежные костры.
В душе моей неразделимы
Тайга и степь, как две сестры.
К тайге иду я в те минуты,
Когда на радость жизнь скупа.
Там, в междугорье, вьется круто
Травой заросшая тропа.
Там к снеговому перевалу
Другой пройти когда-то смог.
И я иду.

И легче стало.

А вязь проселочных дорог,
Пшеничный колос, гроздь рябины —
Для той строки, что вся светла.
Ведь от нее, степной равнины,
Русь задушевная пошла.

* * *

Как не способен ты на зависть,
Когда, ликуя и трубя,
С твоей походкой не считаюсь,
Обходит молодость тебя!
В один слились и час твой ранний
И час сыновий, зоревой,
И ты не ощущаешь грани,
Где твой теперь и где не твой.
И как сказать теплей и проще
О том, чему всем сердцем рад?..
Шагал и я когда-то рощей
Под шум листвы и свист щеглят...